

«КИЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ»: ОФИЦИОЗНОСТЬ ЛЕТОПИСЦА*А. С. Дёмин*

В летописях XII–XIII вв., в отличие от «Повести временных лет», содержится крайне мало пересказов библейских сюжетов летописцами, которые довольствовались преимущественно цитатами из Библии. Лишь два случая «неточных» упоминаний библейских сюжетов извлекаются из «Киевской летописи». Облик киевского летописца XII в. сильно обеднел. Он в основном документалист¹ и официальный писатель.

1 Упоминание о Содоме и Гоморре

Слышахомъ преже треи летъ бывшее знамение в Новгороде, всимъ людемъ видящимъ. Въ трехъ бо церквахъ новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ святая Богородица. Видевъши бо мати Божия пагубу, хотящую быти надъ Новымъгородомъ и надъ его волостью. Моляшетъ бо сына своего со слезами, абы ихъ отинудь не искоренилъ, яко же преже Содома и Гомора, но, яко ниневыгитяны, помилова².

Семантика отрывка. Предварительно сделаем одно текстологическое замечание. Приведённый отрывок входит в рассказ о походе русских князей на Новгород Великий в 1169–1170 гг. В «Ипатьевской летописи» этот поход отнесён к 1173 г. Аналогичный рассказ содержится в «Летописце Переяславля Суздальского»³, а также в «Лаврентьевской летописи»⁴. Хотя датировка новгородского знамения в «Лаврентьевской летописи» ближе к реальности (за три года до 1169 г., т. е. в 1166–1167 гг.), а в «Ипатьевской летописи» датировка знамения сдвинута (за три года до 1173 г., т. е. в 1170–1171 гг.), но рассказ в «Ипатьевской летописи» более детален и внятен, а в «Лаврентьевской летописи» явно сокращён и не всегда ясен. Поэтому отдаём предпочтение рассказу киевского летописца в «Ипатьевской летописи».

Обратим внимание в летописном отрывке на краткое упоминание библейского сюжета о наказании палестинских городов Содома и Гоморры Богом за их вызывающую порочность. В летописном рассказе действия Бога определяются словом «искоренил», в то время как в Библии к Содому и Гоморре прилагаются слова «рассыпал», «погубил», «потребил», «превратил», «разорил», «испроверг», но не «искоренил» (ср.: Бытие, гл. 13 и 19; Второзаконие, гл. 29; Книга пророка Исаии, гл. 13; Книга пророка Иеремии, гл. 49–50; Книга пророка Амоса, гл. 4; Второе послание апостола Петра, гл. 26). К Содому и Гоморре не прилагается слово «искоренил» ни в «Хронике» Георгия Амартола, ни в летописной «Речи философа», ни в «Хронографе». По-видимому, довольно редким и резким словом «искоренил» летописец с максимальной усилительностью обозначил трагическую судьбу Содома и Гоморры (в Библии слово «искоренити», как правило, обозначает уничтожение людей и народов. Ср. в «Киевской летописи»: «вас искоренити»⁵ — 349, под 1147 г.).

Зачем летописец выразился с подобной усилительностью? Скорее всего, из-за своеобразного политического раздражения. Он ведь рассказывал о походе русских князей на Новгород Великий, а с Новгородом и сопоставил Содом и Гоморру: «...так и сия люди новгородская ... злое неверствие в нихъ *вкоренилося* кресть къ княземъ преступати и князе внуки и правнуки обеществовати и соромляти, а кресть честныи к нимъ целовавъши, переступати. То доколе Господеви терпети?» — 561). Что *вкоренилося*, то и надо искоренить. Рассказом о новгородцах и было навеяно слово «искоренил» по поводу Содома и Гоморры. То есть областническая неприязнь повлияла на припоминание библейского эпизода летописцем.

Умонастроение летописца. Областнический настрой киевского летописца широко проявился во всем рассказе о походе русских князей на Новгород Великий. Ведь не только к новгородцам, но и к пошедшим на Новгород русским князьям (ростовским, суздальским, рязанским, муромским) киевский летописец тоже отнёсся в общем отрицательно или, по крайней мере, скептически. Он отметил, что у пошедших на Новгород русских князей «толико бысть *множество* и *вои*, яко и числа нетуть» (560). Летописец подчёркивал необычное множество воинов почти всегда только у вражеских войск, — всё предыдущее летописное повествование свидетельствует о том (приведём лишь один пример из очень многих: когда хвастливый черниговский князь Ярослав Святославович с венграми, поляками и чехами напал на Владимир, то, по словам летописца, «*множество вои* бе с нимъ ... не имяше на Бога надежи, но надеяшеться на *множество вои*» — 287, под 1123 г.).

Отрицательное отношение киевского летописца к князьям из других областей далее проявилось в рассматриваемом рассказе и в довольно едком замечании об их неудаче под Новгородом: «... и не успеши ничто же городу ихъ и възвортишася опять въ свояси и одва дома своя доехаша пеши» (560). В летописи только к врагам относились эти постоянные и многочисленные замечания летописца о том, что «не успевше ничто же, воротшася въ свояси» (иногда с уничижительной добавкой: «... и мнози пеши придоша» или «но толко сороба добыли» — 492, под 1158 г.; 433, под 1151 г.).

Однако степень экспрессивности выражений летописца не надо преувеличивать. Так, не об областнических антипатиях летописца, а о его официозности можно говорить на примере выражения «много зла створиша», в котором, казалось бы, должно было отражаться отрицательное отношение летописца к тем, кто сотворил зло, и жалость к тем, кто пострадал (вот пример перед рассказом о походе русских князей на Новгород Великий: половцы «плохие», потому что «выездяче погании диици с вои, *много зла творяху*, овы избиваху, а ины руками имаху, яша бо тысячкого..., ины многи ... Половци же воротшася опять, *много створивше зла*, люди повоеваша» и пр. — 549–550, под 1172 г.). Но в самом рассказе о походе русских князей на Новгород Великий выражение «много зла створиша» летописец применил к русским князьям, как бы уже жалея новгородцев: «... пришедъше толко в землю ихъ, *много зла створиша*, села взяша и пожгоша, и люди исекоша, а жены, и дети, и мения взяша, и скоты поимаша» (560). В других случаях летописец применял выражение «много зла створиша» к явно положительным персонажам. Так, русские князья, воевавшие с половцами, говорили о себе с удовлетворением: «Се, братъе,

половцемъ есме *много зла створили*, веже ихъ поимали есмы, дети ихъ поимали есмы, и стада, и скоть» (541, под 1170 г.) По-видимому, выражение «много зла створили» служило у летописца официальной формулой ущерба, приложимой к любым персонажам.

О том же свидетельствуют неожиданные детали в рассказе о неудачном походе русских князей на Новгород Великий. Только что летописец злорадствовал по поводу того, что напавшие «не успеха ничто же», но тут же вроде бы их пожалел: «... не бысть бо николи же толь *тяжска* пути людемъ симъ» (560). (Ср., как летописец пожалел одного из князей: «... *тяжско* бысть ему, зане не бысть помочи ему ни откуду же» — 445, под 1151 г.). И тут же летописец добавил осуждение: «... конину едоша и въ великое говение, — се бысть за наша грехы» (560–561). Так что в слове «тяжкий» не сто́ит искать проявления сочувствия летописца. Это была официальная фиксация некоей трудности, и только. Экспрессивные выражения начали превращаться в официальные формулы.

2 Упоминание о Давиде

И возиидоша иноплемьници на Русалимъ и вземши дщицю скрижали завета Господня ... и святыню завета Господня плениша. И ни по колицехъ летъ, яко же исповедають Царския книги, опять возвратитъ Господь скрижали завета Господня во Иерусалимъ, пред нима же богоотець Давидъ веселия исполнися, скакаше, играя⁶.

Семантика отрывка. На первый взгляд, перед нами обычный пересказ библейского сюжета летописцем (Первая книга Царств, гл. 4; Вторая книга Царств, гл. 6). Но упоминание летописца о Давиде отличается от библейского текста одной любопытной деталью: Давид «*веселия исполнися*». Такого замечания о «веселии» Давида нет в Библии. Фактически летописец сделал пусть мелкое, но собственное дополнение к библейскому изложению.

Чем объяснить упоминание о «веселии» Давида у летописца? Летописец не имел какого-то особого мнения о Давиде и вовсе не склонен был к описанию эмоций у летописных персонажей. В отличие от Библии, летописец подчеркнул не внешнюю помпезность, а внутреннюю атмосферу иерусалимского действия. Если в Библии описывалась только внешняя церемония («играюще въ органы, устроены въ крепости и пениих, и въ гусях, и въ свирелехъ, и в тимпанех, и въ кимвалех ... скачуца, играюще»⁷), то летописец опустил всё «музыкальное сопровождение» церемонии, но добавил ссылку на «веселие». Больше того, летописец не просто упомянул «веселие», но написал, что «Давидъ веселия *исполнися*», т. е. буквально наполнился веселием. Если в Библии Давидово «скакание» было даже порицаемо как несоответствующее его царскому статусу, то в летописи деталь «скакаше играя» уже означала настолько буйное веселье Давида, что оно прорвалось в бурное действие.

Для обозначения насыщенной атмосферы праздника летописец упомянул как бы об участии Бога в торжестве: «... опять возвратитъ Господь скрижали завета Господня во Иерусалимъ». Так что «веселие» Давида представало глубоко оправданным чувством.

В свою очередь можно спросить, что же побудило летописца проявлять внимание именно к «веселию» Давида. Думается, что причиной послужила официозная оптимистическая настроенность киевского летописца. Ведь упоминание Давида «веселия» летописец в данной статье приурочил к только что разразившемуся несчастью — ко взятию Иерусалима сарацинами: подобно тому, как библейская святыня в своё время была возвращена в Иерусалим, так и теперь Иерусалим будет возвращён христианам; по этому поводу летописец высказал нечто расплывчато обнадеживающее: «... намъ же укоренымъ сущимъ, поносъ приимающимъ от безаконныхъ техъ агарянь, и чающе есмы Божия благодати и лика преславна» (656).

Умонастроение летописца. Мотив торжественного и благочестивого веселья так многократно и настолько единообразно повторялся в летописи, что летописца действительно можно заподозрить в стойком официозном оптимизме. В подавляющем большинстве случаев этот мотив относился к современности летописца, чаще всего ко всякого рода княжеским праздникам. Вот типичный пример. В рассказе под 1151 г. летописец подчеркнул торжественность праздничного въезда князей в Киев среди прочего и мотивом благочестивого веселья: «... и ту поклонившеся святей Софье и святей Богородици Десятиньней и пребыша у велице весельи и у велице любви» (441).

Точно по той же схеме, с обязательным упоминанием благочестивого «веселия», летописец составил однообразные рассказы о различных праздничных свиданиях князей, в том числе о многочисленных княжеских обедах («похвали Бога и силу животворящаго креста и пребыша у велице любви и у велице весельи» — 461, под 1152 г.; «и тако обедавше, быша весели» — 386, под 1149 г.).

Эта официально-бодрая фразеология сообщений о княжеских торжествах была использована и в упоминании древнего празднества с участием веселящегося библейского Давида, а также при описании совсем иных торжеств, вовсе не официальных. Так, когда казнили ненавистного мучителя людей, чересчур ретивого ростовского епископа Федорца, то народное ликование по этому поводу летописец описал по той же официальной схеме: «... христьяни, избавлени Богомъ и святою Богородицею, радующеся глаголаху и веселящеся» (553, под 1172 г.).

Подобная официозная заштампованность летописных рассказов свидетельствует о раннем зарождении официальной литературы на Руси — уже в XII в., притом в условиях развивающегося областничества.

¹ Об этом см.: *Ерёмин И. П.* Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 98–131.

² ПСРЛ. М., 1962. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 561, под 1173 г.

³ Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века, между 1214 и 1219 годами / изд. подгот. М. А. Оболенский. М., 1851. С. 80, под 1173 г.

⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 361–362, под 1169 г.

⁵ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 349, под 1147 г.

⁶ Там же. Стб. 655–656, под 1187 г.

⁷ Острожская библия. 1580. Вторая книга Царств. Л. 142 об. – 143.